

КЛАДОВАЯ № 28

Раскопки 1950 г. открыли вторую кладовую для вина, аналогичную первой (кл. № 25), но несколько меньшую по размерам (дл. 27 м, шир.

10,3 м). Кладовая находилась между помещением № 25 и помещением № 3, с каменным чаном для вымачивания кунжутных зерен, но ее ось была перпендикулярна осям помещений № 2 и 25, так как имела направление юго-запад—северо-восток.

Широкое помещение имело в средней своей части, по оси, два контрфорса, отходящих от узких стен, и центральный столб, служившие для поддержки кровли и делящие кладовую на две равные части—южную и северную. Стены кладовой, сложенные из сырцового кирпича на каменном цоколе, сохранились на полную их высоту (27 рядов кирпичей). На контрфорсах и центральном столбе сохранились остатки бревен, лежавших продольно, на которых держались балки поперечного перекрытия. Конец одной из поперечных балок сохранился *in situ* в верхней части северной стены, а верхний край южной стены со слоем галечника хорошо обрисовывается под слоем обвалившейся стены помещения, примыкавшего к кладовой с юга. Стены этого, исследованного в 1951 г. помещения были значительно выше перекрытия кладовой № 28 и имели, вероятно, одинаковый уровень со стенами помещений № 3 и 25. Таким образом, крыша кладовой № 28 представляла площадку, ограниченную с трех сторон стенами и открытую с северной стороны.

Рис. 11. Бронзовые наконечники стрел.

Верхняя линия стены помещения, примыкавшего к кладовой № 28 с юга, была украшена тремя декоративными башенками, сложенными из трех рядов хорошо обтесанных блоков базальта. Эти башенки при

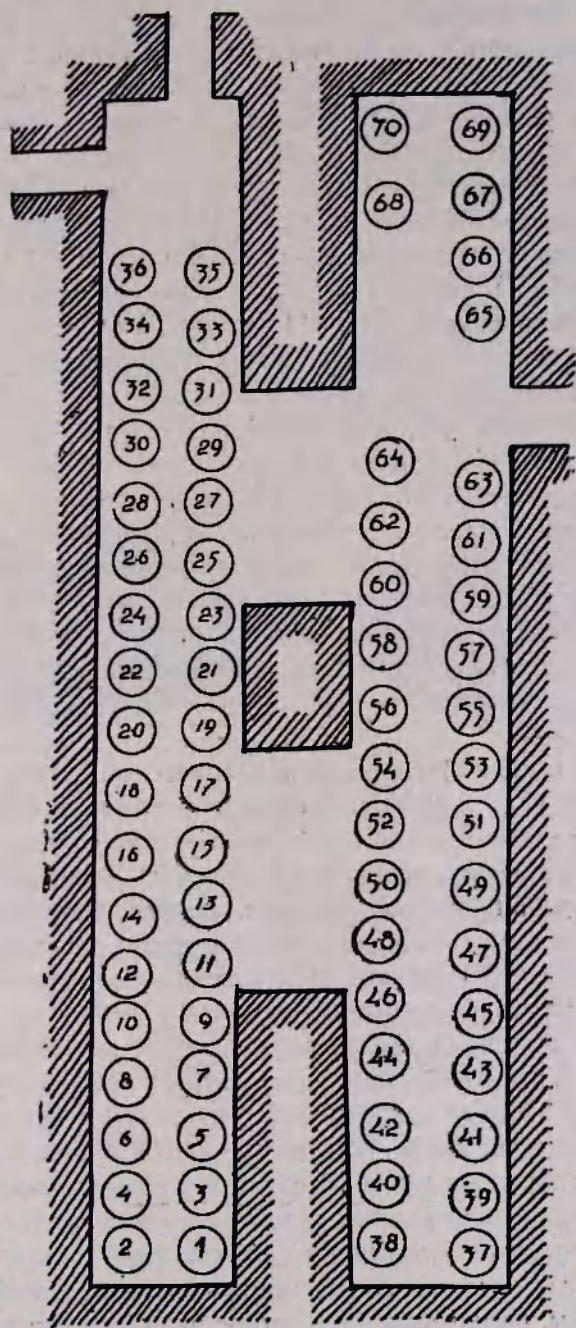

Рис. 1. Кладовая № 28 (схематичный план).

обрушении стен провалились в южную часть кладовой № 28, и были обнаружены при раскопках упавшими на бок, но сохранившимися несмотря на то, что они были сложены сухой кладкой, расположение камней. Две такие же башенки находились, повидимому, и на контрфорсах непосредственно над перекрытием. Они обрушивались с меньшей высоты, и башенка западного контрфорса, несмотря на падение, сохранилась полностью. От удара при падении с высоты, а также от пожара базальтовые блоки, из которых она была сложена, раскололись. Без особого труда башенка была извлечена по отдельным венцам кладки и вновь сложена в восстановленном виде. Она состояла из трех рядов блоков, причем высота каждого из них равнялась одному локтю (51,8 см), так что вся башенка имела в высоту 155,4 см. В плане она имела форму прямоугольника, со сторонами в 260 и 210 см, причем ее углы имели выступы соответственно общему стилю архитектуры исследуемого здания. Башенка была сложена насухо без применения какого-либо вяжущего материала, но тщательная обработка камней создавала большую силу сцепления, которая сохранила даже всю эту небольшую постройку от разрушения при падении с высоты стены. Внутренняя часть башенки была забутована камнем. Тщательная обработка базальтовых блоков, сохранивших следы обработки бучардой, свидетельствует о высоком мастерстве обработки камня. Нет сомнения в том, что исключительно точная обработка базальтовых блоков могла быть достигнута только при применении железных, имевших закалку, орудий. Таким образом, раскопки кладовой № 28 дали нам возможность судить и о внешнем виде отдельной части цитадели.

Кладовая № 28 имела три двери. Одна из них, расположенная в северной части, вела в узкое и длинное помещение, в котором было обнаружено несколько высоких, удлиненной формы сосудов, употреблявшихся как для хранения зерна, так и для приготовления пива¹, а также группа железных и бронзовых изделий и пиленные куски рога. Две другие двери находились в юго-западном углу кладовой; одна из них вела в помещение № 27, отделявшее эту винную кладовую от первой (кл. № 25), а вторая в помещение, примыкающее с юга. Интересно, что дверные проемы первоначально были широкими, а затем уменьшены дополнительной кладкой. В восточной стене южной части кладовой имелся слуховой канал, который выходил в помещение № 3 над желобом каменного чана².

Стены кладовой, как и большинство помещений этой части цитадели были покрыты слоем глиняной обмазки с прочерченными контурами кирпичной кладки, являвшимися примитивным видом украшения стен, но в общих чертах соответствующими действительной кладке стен.

Пол, как и в кладовой № 25, был земляным, в него были вкопаны крупные карасы, расположенные в четыре ряда. Все карасы имели обозначения емкости, выполненные иероглифическими знаками. Обозначения

¹ Кармир-блур. I, стр. 28, рис. 10.

² Там же, стр. 47.

эти были врезаны глубоко, причем на карасах южной части они были значительно крупнее, чем в северной. Карасы двух частей кладовой отличались также и знаками, нанесенными до их обжига на венцах. Так, на карасах южной половины встречены исключительно знаки в виде крестов, поставленных вертикально, тогда как в северной половине имелись знаки двух типов—косой крест с двумя лунками справа и вертикальный знак с тремя лунками, помещенными над ним. Эти знаки не совпадали и с теми, которые были обнаружены на карасах кладовой № 25. Там кроме вертикального креста встречены еще знаки в виде пятилучевой звезды и группы из трех круглых лунок. Следует отметить, что сосуды, имеющие одинаковые знаки, как правило, располагались рядом. Всего в кладовой № 28 было 70 карасов: в южной части два ряда по 18 штук, а в северной части один ряд состоял из 16-ти, а другой, у внешней стены, из 18-ти карасов. Сохранность карасов северной части кладовой была значительно лучшей, чем сохранность сосудов южной части, сильно пострадавших при обрушении стен и базальтовых башенок.

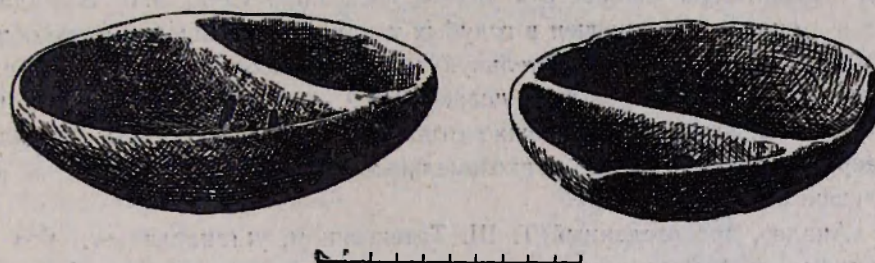

Рис. 13. Глиняные светильники.

Материалы раскопок позволяют с полной достоверностью дать реконструкцию внутреннего вида кладовой. Мы имеем и полную высоту стен и отстатки перекрытия, глиняную обмазку стен с прочерченными по ней швами кирпичной кладки; все карасы были на своем месте.

На полу кладовой, в разных ее частях, обнаружено много предметов, отдельных или же расположенных группами.

Большое число глиняных сосудов оказалось в северо-западной части кладовой, там, где карасы были расположены значительно реже. У самого угла контрфорса стоял, сохраняя вертикальное положение, высокий сосуд продолговатой формы, наполненный зерном (ячмень). Рядом, в обломках, находилось много глиняных сосудов красного цвета—чашки, небольшие кувшинчики без ручек, грубые сосуды—горшки. Среди обломков сосудов лежало много обломков совершенно разрушенных железных предметов.

В западном углу кладовой, около северной стены, также находилось много обломков глиняных сосудов, среди которых хорошо сохранились два глиняных светильника, формы, известной и по раскопкам на

Топрах-кале, в Ване. Светильники представляют собою круглые чаши с несколько уплощенным дном и с поперечной стенкой, делящей чашу на две неравные части: одну меньшую для горящего фитиля и другую для масла. Эта поперечная стенка имеет отверстия, через которые протягивался фитиль. Первый светильник с небольшим, слабо выраженным носиком, имел одно такое отверстие, а второй—два. Подобные светильники были найдены и в кладовой № 25, в условиях полутемных помещений они, естественно, являлись необходимой их принадлежностью.

У северной стенки около караса № 66 стоял глиняный сосуд, высотой около 70 см. Он оказался наполненным комками глины, формованными от руки, имевшими синеватый цвет. Таких комков было около 250 штук. Все они имели продолговатую форму (дл. 7—8 см) с одной утолщенной, а другой выпуклой стороной. Среди этих комков обнаружен также кусок пемзы, служивший терочником. Проф. Т. Ш. Татевосян произвел анализ одного комка и дал следующее заключение: (исследованный образец) «состоит из глинистого вещества, мелких совершенно неокатанных зерен кварцита и одного, редкого для Армении, минерала... Под микроскопом минерал обнаруживает коротко-призматический габитус, совершенную спайность и прямое погасание; удлинение совпадает с N_p , сильно плеохроичен в голубых тонах... В сходящемся свете обнаруживает одноосную отрицательную интерференционную фигуру. Сила двупреломления $N_g - N_p$ в пределах 0,020 — 0,022. Минерал это по предварительным данным можно отнести к бацититу. Бацитит—силикат, содержащий Sc и другие редкоземельные элементы, а также Fe и небольшое количество Na».

Анализ, произведенный Т. Ш. Татевосяном, указывает, что в глиняных, сформированных от руки комках был замешан дробленный, очень твердый минерал. Учитывая данные анализа и форму этих загадочных глиняных предметов, можно высказать предположение об абразивном их назначении. Возможно эти комки являлись терками, употреблявшимися при шлифовке дерева или камня. Во всяком случае физические свойства их таковы, что ими без труда можно отточить металлический нож. Присутствие в сосуде обломка пемзы подтверждает предположение, что комки представляли собою терочники.

Около сосуда находились совершенно разрушенные части крупных железных предметов.

У караса № 65, около двери, ведущей в помещение № 4, оказался глиняный сосуд без дна, впущенный в пол. Возможно, он являлся очагом наподобие армянского тондыра, но следов золы в нем обнаружено не было. Остатки плоской жаровни прямоугольной формы с вертикальным бортом, постоянно встречавшейся при раскопках временных жилищ во дворе цитадели, были найдены у противоположной стены рядом с сосудом, наполненным ячменем.

У северной стены кладовой, между карасами № 55 и 57 оказались сложенными кучей глиняные грузила (высотой ок. 9 см), пирамидаль-

нсий, со срезанным верхом, формы. Общее их число было 30 (два грузила найдены вне этой группы). Форма грузил позволяет считать их грузилами ткацкого станка, но их массивность заставляет скорее полагать,

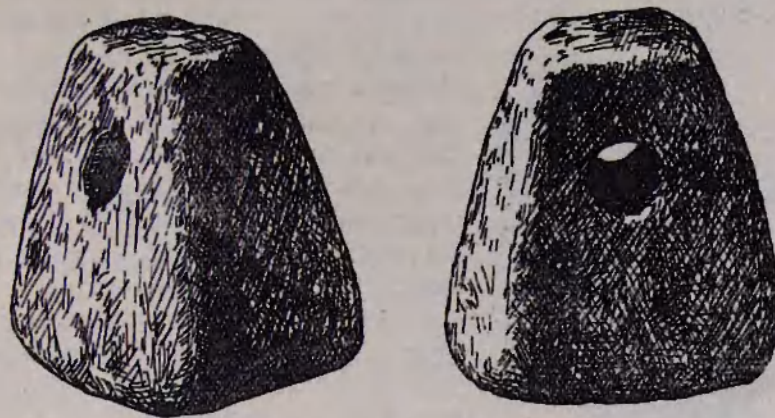

Рис. 14 Глиняные грузила.

что они принадлежали станку, предназначенному для пряжи, не ткани, а грубых цыновок. Под грузилами была обнаружена небольшая головка козла (дл. 5,5 см), вырезанная из кости и служившая, вероятно, ручкой какого-то предмета.

В северо-восточном углу кладовой среди карасов также было обнаружено много отдельных глиняных сосудов и железных предметов. У караса №43 была найдена бедренная кость крупного рогатого животного, повидимому, остатки куска мяса, грубый горшок с семячковым орнаментом и два кувшина красного цвета с ручками, на которых имеются круглые углубления, в одном случае четыре, а в другом — три. Подобный же сосуд с тремя углублениями на ручке был найден и в восточном проеме, между северной и южной частями кладовой. Такие отметки на ручках кувшинов красного цвета встречались при раскопках и других помещений цитадели. Оказалось, что два сосуда с обозначением на ручке трех точек по своей емкости не совпадали. Это обстоятельство заставляет нас заключить, что на сосудах отмечалась не их емкость, как на карасах, а объем влитой в них жидкости.

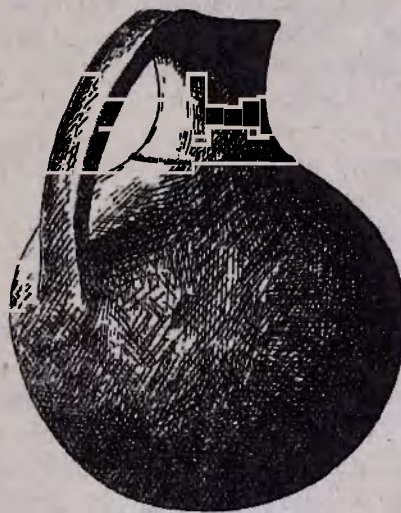

Рис. 15. Глиняный кувшин.

Между карасами № 8 и 10 лежала глиняная курильница в виде чаши на высокой ножке с вертикальными прорезами на стенке, подобная той, которая была обнаружена около жертвенника в кладовой № 25. Неподалеку лежала и другая курильница в виде баночки цилиндрической формы, с круглыми отверстиями в верхней ее части, также аналогичная

Рис. 16. Глиняный кувшин.

второй курильнице из кладовой № 25. Около восточного контрфорса был найден крупный железный наконечник копья и бронзовый браслет-обруч со своеобразным закреплением конца, имеющего выступ наподобие головки змеи, входящего в застежку второго конца браслета.

Большая группа предметов находилась в восточном проеме кладовой. Там обнаружено большое число глиняных сосудов разной формы и сильно разрушенные железные и бронзовые предметы, в частности, сосуд из тонкого листа бронзы. Среди глиняных сосудов обращают на себя внимание глиняный кувшин с ручкой красного цвета

с лощеной поверхностью и высокий сосуд удлиненной формы, имеющие одинаковое клеймо, известное нам уже по четырем сосудам, найденным на Кармир-блуре. Клеймо это овальной формы, с тремя иероглифическими знаками¹. Весьма интересен тот факт, что одно и то же клеймо ставилось как на кувшинах высокого качества, с блестящей лощеной поверхностью, так и на сосудах, предназначенных для хранения зерна.

Кроме этого сосуда для хранения зерна с клеймом в верхней части тулова, тут же был обнаружен и второй сосуд, также высокий, удлиненной формы, с отверстием в дне. В верхней его части имелись знаки в виде деревьев, навеленные лощением до обжига, и группа иероглифов, выполненная уже после обжига. Последняя состоит из изображения сосуда с коническим дном и венчиком в виде раструба. Слева от иероглифов размещены семь углублений, т. е. цифровое обозначение. Подобные иероглифические обозначения мер емкости, отличные от тех, которые

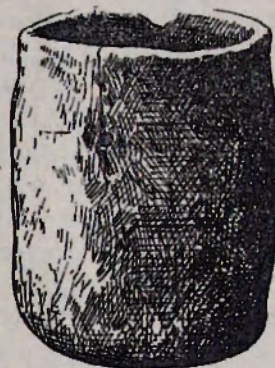

Рис. 17. Глиняная курильница.

¹ См. Б. Б. Пиотровский, История и культура Урарту, стр. 181, рис. 44, клеймо слева.

помещены на карасах, были встречены и при раскопках на Топрах-кале, в центре Урарту. Судя по характеру сосуда, на котором помещена эта иероглифическая группа, можно заключить, что она передавала меры емкости не жидких, а сыпучих тел, возможно, дробные части урартской меры «капи».

В кладовой № 28 были найдены исключительно интересные бронзовые предметы с клинообразными надписями, точно их датирующими. Карас № 46 был прикрыт крупным (диам. около 1 м) щитом декоративного назначения, совершенно подобным тому, который был обнаружен в 1940 г. в помещении № 5¹. Щит был совершенно разрушен обвалившейся кровлей, его борта сильно придавлены к венчику караса, а средняя часть с тремя ручками, одной массивной, центральной, и двумя меньшими, боковыми, провалилась внутрь караса. На борту щита оказалась двустрочная клинообразная надпись царя Аргишти, сына Менуа, указывающая на то, что этот щит, принесенный в дар богу Халди, принадлежал городу Ирпуни.

У южной части караса № 50 лежал второй бронзовый щит, меньший по размерам (диам. 70 см), который, вероятно, так же как и первый щит, прикрывал карас, но при обвале кровли был с него сброшен. Щит этот имел выпуклую среднюю часть, но не коническую, как крупные щиты Аргишти, и борт по краю, шириной в 11 см. На борту была вырезана однострочная клинообразная надпись царя Русы, сына Сардури. Этот щит имел две железные ручки (дл. в 20 см), приклепанные бронзовыми гвоздями ко внутренней части, железный обруч, закрепленный в загибе внешнего края борта. Щит в своей средней части имел две пробойны, нанесенные с наружной стороны.

Так же как и щит Аргишти, щит Русы был раздавлен на мелкие куски обвалившейся кровлей, кроме того, на плохую его сохранность повлияло также наличие железных частей.

В центре западного проема, непосредственно на полу лежал бронзовый колчан, украшенный полосами с узором в виде зигзага, аналогичными орнаментальным полосам на колчане и шлеме Сардури². В верхней части колчана, непосредственно под бортом, имеется клинообразная надпись, отмечающая, что этот щит является посвятельным даром царя Аргишти, сына Менуа.

Подобный колчан, но без клинописи, был найден в 1945 г. при раскопках жилища у северо-западных ворот цитадели³. Большинство карасов кладовой было порожним, но некоторые из них были использованы под зерно или же для хранения различных предметов. Так, в карасах № 26 и 58 была обнаружена пшеница, причем в последнем из карасов лежал также крупный сосуд удлиненной формы, предназначенный для хранения зерна. Повидимому, сосуд, которым засыпалось зерно, был

¹ Кармир-блур. I, стр. 62, рис. 39.

² Там же, стр. 67.

³ Там же, стр. 24.

также намеренно спрятан в карасе. В других карасах с зерном встречались остатки плетеных корзин. На дне караса № 62 имелось небольшое количество мелкой пшеницы, а в карасе № 59—пшеничная мука крупного помола, размолотая вероятно на ручных зернотерках.

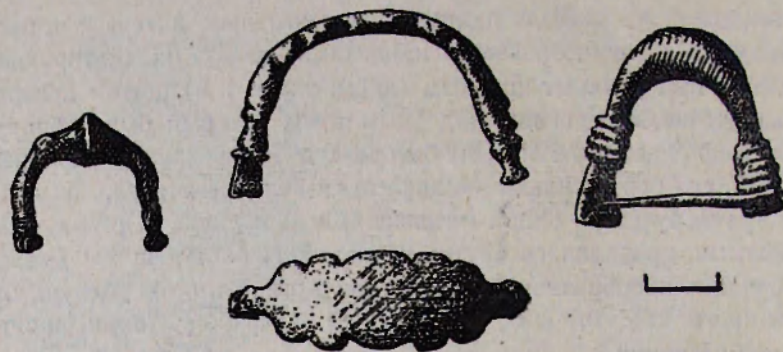

Рис. 18. Бронзовые фибулы.

Карас № 63 содержал ячмень, а карас № 56 кунжут. Небольшое количество зерен конских бобов находилось в карасе № 15, где были найдены пять урартских печатей, остатки баночки из резной кости, деревянные и костяные рукоятки, деревянная пуговица или пряслице, украшенное кружками, бронзовая фибула, бронзовая булавка, железный ножичек и большое количество сердоликовых и пастовых бус.

В карасе № 60 были сложены распиленные куски оленьих рогов, по-видимому,—заготовки для изготовления роговых изделий. Подобные заготовки встречались во многих помещениях цитадели.

Группа карасов северной части кладовой была использована под хранение металлических предметов. Так, в карасе № 46, прикрытом щитом с надписью Аргишти, сына Менуа, обнаружено большое количество железных предметов очень плохой сохранности. Тут были обломки наконечников копий, не менее четырех экземпляров, обломки железных втульчатых топоров или молотов, крупных серпов и стержней. Среди лучше сохранившихся предметов были характерные кривые ножи с деревянной или костяной накладкой на рукоятке, тесла двух видов, одно с прямоугольным, другое с клинчатым лезвием, браслеты. Вместе с железными предметами в карас были положены также бронзовые изделия, целые и в обломках.

Из этих изделий большой интерес представляет пояс из бронзовой пластины, типа, характерного для урартского периода¹. Пояс украшен пятью полосами, заполненными точечным узором. На конце пояса в обрамлении помещено сильно стилизованное священное дерево, аналогичное изображению на поясе из Ани-Пемза². Таким образом, это распад-

¹ Кармир-блур, I, стр. 42, рис. 24.

² Б. Б. Пиотровский, История и культура Урарту, стр. 313, рис. 46.

шеется уже в процессе стилизации изображение священного дерева связывает с одной стороны этот пояс закавказского типа с хорошо известной группой урартских поясов, а с другой стороны—с той группой памятников скифского искусства, которые имеют элементы древневосточного характера¹.

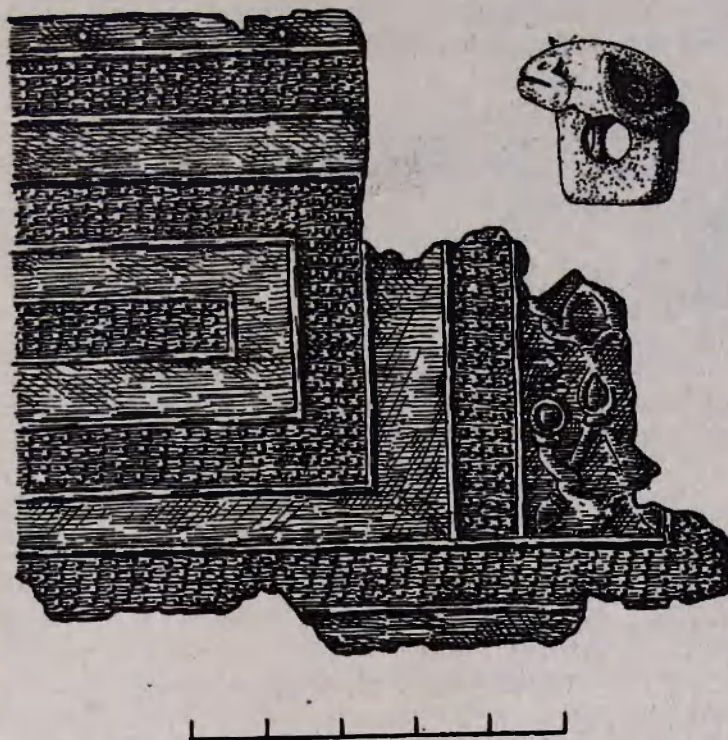

Рис. 19. Пояс из листовой бронзы и головка барана из рога.

Раскопки 1950 г. на Кармир-блуре дополнили материал, отмечающий связи скифов с Тейшебаини. В помещении № 27 были найдены две пряжки для ремней от конских уборов, имеющие форму головок баранов, одна бронзовая, а другая роговая. Подобные пряжки встречаются на широкой территории, но ближайшие аналогии к роговой головке дают материалы из Келермесских курганов, на Кубани.

Кроме обломков пластинчатого пояса в каресе оказались также небольшие обломки колчана великолепной работы, украшенного изображениями животных. Сохранились остатки двух рядов—верхнего, в котором помещены львы, и нижнего, с быками. Фигуры разделены орнаментальным поясом, состоящим из бутонов. Изображения львов и быков по своему стилю весьма характерны; они полностью совпадают с теми изображениями, которые помещены на обломках бронзовых декоративных

¹ Кармир-блур, I, стр. 89, рис. 57.

щитов, найденных на Топрах-кале¹. Этот обломок колчана еще более связывает памятники искусства, найденные на Кармир-блуре, с урартскими памятниками, происходящими из центральной части Урарту.

Среди предметов в собрании Отдела Античного мира Государственного Эрмитажа, потерявших свою паспортизацию, мною был обнаружен обломок колчана, несомненно урартского происхождения с характерным орнаментом в виде полосы с зигзагом и фигурой урартского воина, ана-

Рис. 20. Обломки бронзового колчана.

логичной тем, которые имеются на колчанах и шлеме Сардури. В этом случае изображен пеший воин с поднятой рукой. По всей вероятности, этот обломок бронзового колчана поступил в Эрмитаж в 1885 г.² вместе с другими предметами, в частности, бронзовыми фигурами крылатого льва с человеческим торсом и крылатого барана, найденными в 1884 г. на холме Топрах-кале, в Ване.

Бронзовые предметы были положены также и в карас № 48. Из него была извлечена половина большого котла (выс. ок. 60 см) из бронзового листа, с приклепанным дном, имеющего в верхней части отогнутый борт. Вторая половина этого котла в совершенно разрушенном состоянии была обнаружена в карасе № 54. Очевидно, целый котел не мог быть положен в карас через узкое горло, и поэтому пришлось бронзовый котел, представлявший ценность как металлический лом, разломать на две части.

На дне караса № 48, под бронзовым котлом, лежал бронзовый шлем прекрасной сохранности, несколько сплюснутый. Шлем этот по своей форме и изображениям совпадал со шлемом Сардури, найденным в

¹ Б. Б. Пиотровский, История и культура Урарту, стр. 137, рис. 13.

² Архив Эрмитажа, дело № 20, 1885.

1947 г. в кладовой № 10, но клинообразная надпись на нижнем крае его указывала, что этот шлем является посвященным даром богу Халди урартского царя Аргишти, сына Менуа.

Как и шлем Сардури, шлем Аргишти украшен тонкими чеканными изображениями священных деревьев, по сторонам которых стоят боже-ства в головных уборах с рогами, одни безбородые, другие бородатые и с крыльями, а также изображения урартских боевых колесниц и всадников.

Бронзовые предметы оказались также и в карасе № 55. Там были обнаружены шесть вложенных друг в друга бронзовых, конической формы, умбонов от плетеных щитов. Три подобных умбона были найдены в 1945 г. в жилище, расположенном во дворе, у северо-западной угловой башни цитадели¹. На умбонах были вырезаны изображения голов быков, а на одном—птицы. Кроме того, на пяти из них были помещены короткие клинообразные надписи с именами Аргишти, сына Менуа, и Сардури, сына Аргишти. Один из умбонов, с изображением головы быка, надписи не имел. находка этих умбонов подтвердила наличие подлинных надписей, а не имитации клинописи на умбонах, найденных в 1946 г., а также позволила распознать на них изображения, сильно поврежденные вследствие плохой сохранности головок бычков.

Вместе с умбонами в карас № 55 были положены различные мелкие бронзовые вещи, в частности, дисковидные пуговицы, с петлей на оборотной стороне.

Раскопки кладовой № 28 дали нам яркую картину ее обстановки. Многие из обнаруженных на полу предметов оказались в ненарушенном состоянии, а сохранность стен и расположение разбитых сосудов позволяли без труда дать реконструкции внутреннего вида кладовой.

Комната № 27, соединяющая обе кладовые для вина, была раскопана также в 1950 г. и в ней обнаружено много предметов, в частности, значительное количество бронзовых чаш, к сожалению, очень плохой сохранности, среди которых имелись обломки фиал ассирийского типа, с крупными ложчатыми выступами. Там же оказалось большое количество украшений—каменных и пастовых бус, подвесок, фибул и браслетов, в частности имелись браслеты с головками змей на концах.

У двери в кладовую № 25, на полу, обнаружены сильно разрушенные окисью бронзовые обивки, на одной из которых различима фигура быка, с парящим над ним крылатым солнечным диском.

Кроме дверей в кладовые для вина, помещение № 27 имело еще небольшую дверь в южной стене, ведущую в небольшую по площади, но высокую кладовую (№ 29), в которой хранились керамические изделия. Раскопки 1951 г. открыли в кладовой целый склад красных лощеных кувшинов для вина, аналогичных тем, которые были найдены в винных кладовых. Вся восточная половина кладовой № 29 была занята кувшинами, сложенными на боку в пять рядов. Таких кувшинов оказалось

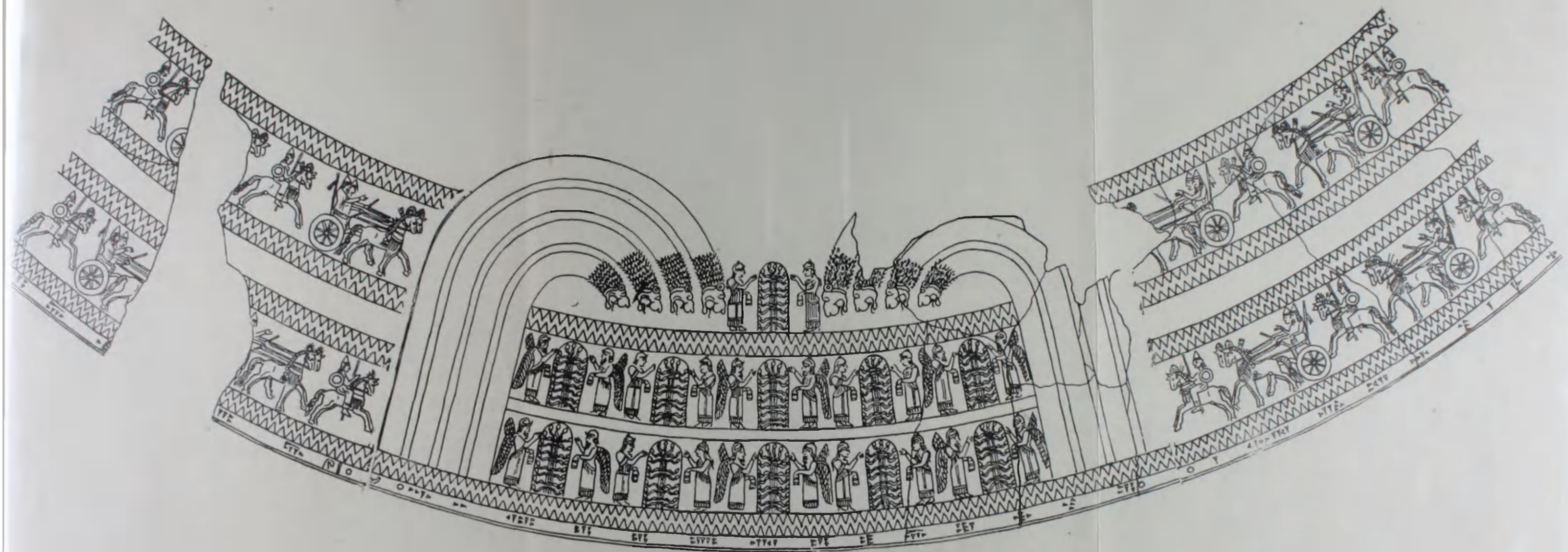
¹ Кармир-блур, I, стр. 24.

1036, причем более сотни кувшинов было извлечено совершенно целыми. Кроме кувшинов там находилось 40 светильников, 55 плоских мисок и 16 сосудов других типов.

Такое громадное число кувшинов для вина соответствовало тому количеству вина, которое хранили карасы обеих кладовых.

Раскопки кладовых для вина свидетельствуют о высоком уровне урартского земледелия. Раскопки на Кармир-блуре дают нам большое разнообразие сортов винограда. Обнаружены косточки винограда не только сортов Воскеат (Харджи), но и Мсхали, Арарати (Хачабаш), а также некоторых сортов черного винограда (определение С. А. Погосяна). А при расчистке кладовой № 33 около карасов, не вкопанных в пол, а установленных в беспорядке в одной ее части, оказались куски серы, что указывает на окулирование карасов серой еще во времена урартов.

Таким образом, наши раскопки дают интересный материал не только для изучения урартской культуры, но и для ряда разделов истории техники.

Шлем Аргишти (изображения в развернутом виде)

